

lenistic period, which supports the hypothesis of V. F. Gaidukevich that fortifications were built on Perekop in the 3rd and second centuries B. C. Some Late Mediaeval fortifications in the Sivash area, such as the ditch in Sivash between Perekop and the Litovsky peninsula and the ditches near the Chongarsky crossing, are, in the author's opinion, remains of an earlier defence line, probably the wall of Asander.

К ВОПРОСУ О РОДОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ «ХАРАКТЕРОВ» ФЕОФРАСТА

Сочинения Феофраста под общепринятым заглавием «Характеры» стоит особняком во всей древнегреческой литературе; оно не вписывается ни в один привычный жанровый канон. Отсюда такое обилие противоречивых, часто взаимоисключающих толкований произведения. До сих пор исследование «Характеров» шло (эта тенденция продолжает сохраняться) по двум главным направлениям: сочинение интерпретировалось как научно-философское и как сочинение художественной литературы. В соответствии с первым положением «Характеры» являются некоторой частью одного из научных трактатов Феофраста по этике¹, во втором случае рассматриваются как художественно выполненные иллюстрации, входившие в какое-то из сочинений Феофраста о поэтическом или риторическом искусстве². Итак, получается, что при любом указанном допущении жанровая форма «Характеров» оказывается несамостоятельной, ибо какие бы усилия не предпринимались исследователями для отысканий подходящих аналогий, «Характеры» так и остаются либо одним большим эксцерптом (или гипомнематической, дополняющей частью), либо малыми эксцерптами, одинаково принадлежащими к одному обширному труду философа. В связи со сказанным встает вопрос о степени научности и художественности в интересующем нас произведении.

В настоящее время едва ли кто станет подвергать сомнению эстетические намерения автора «Характеров». И, однако, мы еще нередко встречаемся с мнением, согласно которому «Характеры» могли служить художественно обработанными примерами отдельных положений не только в теоретических исследованиях Феофраста по литературе (поэтика и риторика), но и в научно-философских его трактатах. Все творчество Феофраста рассматривается обычно на фоне философского наследия Аристотеля. Отношения ученика и учителя, традиционный взгляд (идущий еще от античности) на Феофраста как на последователя Стагирита, развивавшего и дополнявшего его учение, позволяют не только поставить «Характеры» в связь с некоторыми сочинениями Аристотеля, проблематика которых близка последним, но и дают почти единственную возможность как для уяснения общих мировоззренческих установок Феофраста, так и для понимания художественных и эстетических принципов, лежащих в их основе.

¹ Zeller Ed. Die Philosophie der Griechen. 3 Aufl., B. II, Abt. 2. Lpz, 1879, S. 855, Anm. 3; Petersen E. Theophrasti Characteres. Lpz., 1859; Comperz Th. Über die Charaktere Theophrast's.— Sitzungsberichte der Königl. Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Kl., 1889, CXVII, S. 10; Steinmetz P. Der Zweck der Charaktere Theophrasts.— Annales Universitatis Saraviensis, 1959, VIII, fasc. 3—4, S. 209—246; Stark R. Zu Theophrasts «Charakteren». RhM, 1960, CIII, S. 199; Regenbogen O.—RE, Supplbd. VII, 1940, Sp. 1507—1510, s. v. Theophrastos von Eresos; Navarre O. Théophraste. Caractères. P., 1931, p. 20.

² См. Regenbogen. Op. cit., Sp. 1505—1509; Стратановский Г. А. Феофраст и его «Характеры».— В кн.: Феофраст. Характеры. Л., 1974, с. 75—82.

Возвращаясь к дилемме — произведение художественной литературы или научный трактат, мы предварительно должны подчеркнуть, что ни одно сочинение Аристотеля ни в области этики, ни даже в области литературной критики не имеет частей, художественно иллюстрирующих ту или иную мысль философа. Существует принципиальное различие в способе изложения материала, в некоторых отношениях общего для Аристотеля и Теофраста. Первый оперирует категориями понятий, последний — художественными образами, один понятийно описывает, другой изображает³. Вместе с тем весьма сомнительным выглядит тезис об эксцерптовании «Характеров». Трудно представить даже приблизительно источник, из которого могло быть сделано извлечение⁴. Что же касается Аристона и более поздней традиции морально-уещивательной литературы, то, хотя «Характеры» и приспособлялись этим автором к собственным идеологическим задачам, играя роль вставок в его сочинении⁵, мы никак не можем приписать книжке Теофраста одного — морализаторского тона. В этом отношении весьма показательным является механическое присоединение к «Характерам» в византийское время общего вступления и наставительных концовок.

Повод к рассмотрению «Характеров» в качестве научного трактата (главным образом этического) более всего дают определения, предваряющие каждую главу сборника. На первый взгляд, мы имеем дело с самыми настоящими научными определениями этических понятий, таких, как тщеславие, суеверие, бесстыдство, болтливость, скупость и т. п., с последующим переносом на человека как носителя определенной характерной черты, что близко современному понятию «тип». Но стоит повнимательнее приглядеться к определениям, как они вызывают разочарование с точки зрения научной систематики. Одни из них действительно глубоко, хотя и кратко, характеризуют поведенческий феномен, например «бессовестность — это пренебрежение людским мнением ради низкой выгоды» (IX); другие служат лишь дополнением к содержанию иллюстративного раздела (II, VIII); третьи противоречат содержанию основной части (I, V, XIX, XXVII); четвертые (и таких большинство) настолько поверхностны, что их только с большой натяжкой можно назвать определениями⁶. Вот образец таких определений: «болтливость — это недержание речи» (VII), «зазнайство — это неучтивость в разговоре» (XV), «отчаянность — это закоренелость в постыдных делах и речах» (VI). В глаза бросается тривиальность высказываемых мыслей, которая предполагает привычное, общеизвестное, ходячее. Для нас в данном случае это очень важный признак общего места, что указывают не на философский, а на риторический характер определений.

Многие вступления к «Характерам» соприкасаются с определениями человеческих свойств в этических произведениях Аристотеля. Однако анализ и сопоставление определений у того и другого философа показывают, что сходство их зачастую оказывается далеко не полным. Нередки случаи, когда они вступают в противоречие друг с другом⁷. Это, а также неодно-

³ На «Характеры» как на произведение художественной литературы уже указывали: *Ast F. Theophrasti Characteres*. Lpz, 1816; *Jebb R. C. The Characters of Theophrastus*. L. — Camb., 1870.

⁴ Резкой критике теорию эксцерптов во всех ее формах подверг Т. Гомперц. Однако он, видя в «Характерах» «собрание материалов», по существу так же, как и его предшественники, лишает произведение самостоятельного значения.

⁵ Труд Аристона (III—II вв. до н. э.) до нас не дошел. Его цитирует Филодем, эпикурейский философ I в. до н. э. См. *Philodemi Peri sasiōn liber decimus*/Ed. Jensen Chr. Lipsiae, 1911. Самый ревностный сторонник взгляда о моралистической направленности «Характеров», О. Наварр решает вопрос очень упрощенно: коль скоро сочинение Аристона содержало в себе «характеры» в качестве иллюстраций, то таким же образом они должны были входить в подобное произведение Теофраста.

⁶ См. *Regenbogen*. Op. cit., Sp. 1503; *Gomperz*. Op. cit., S. 3.

⁷ *Steinmetz P. Theophrast. Charaktere*. B. II. München, 1962, S. 8—16; *Fortenbaugh W. W. Die Charaktere Theophrasts*. — RhM, 1975, CXVIII, S. 62—82.

родность в структуре дефиниций позволили некоторым исследователям сделать предположение о неподлинности вступительных частей к «Характерам». Между тем нет особых оснований для сомнения в их подлинности. Они идут в русле общих идейных установок писателя, и назначение их в том, чтобы служить опорой для развертывания картины, реализующейся в частных положениях того общего, которое выражено определением. В сущности определения представляют собой риторический тезис, требующий последующей аргументации. Однообразная их форма с использованием одних и тех же стилистических средств выражения отнюдь не есть признак ученого произведения. Феофрастовская дефиниция гораздо больше, чем иллюстративные части, выдает риторическое лицо всего сочинения. Подавляющее число определений содержит слова «кажется», «можно считать», «если бы кто захотел определить», «не составляет труда определить» и т. п. Намеренное уклонение автора от точности и допущение альтернативной дефиниции являют собой параллель к формуле $\epsilon\sigma\tau\omega$ у Аристотеля, употребление которой характерно для «Риторики», где общие положения берутся из области мнения ($\delta\acute{o}\xi\alpha$), и совсем не характерно, например, для «Никомаховой Этики», исследующей научную истину⁸.

Еще меньше претендуют на научно-философскую строгость сами тексты «Характеров». Не раз уже отмечалось, что среди них имеются зарисовки, нейтральные по своей этической окраске. Таковы «характеры» Бестолкового (XIV), Неопрытного (XIX), Молодящегося (XXVII). Кроме того, наброски Феофраста несут в себе немало смешного. Каждый выведенный тип комичен сам по себе, только комизм этот разный: от иронии и злой насмешки до сатирического гротеска. Предметом изображения автора являются различные пороки в органическом соединении с носителями порочных качеств, так что качество и человек не мыслятся раздельно. Конечно, в «характерах» есть отвлечение от реального человека, но зазор между отвлеченной мыслью и конкретным носителем качества столь невелик, что, скажем, в «друге подлецов» (XXIX) совсем не трудно «узнать» сикофанта Аристогитона. Феофрастовский метод анализа человеческих свойств покоится на общественно-субъективной основе. Этот анализ происходит не в абсолютных формах мышления, но именно на почве логики вероятного и случайного, по которой все положения могут быть только относительно истинными, ибо они строятся в зависимости от посылок, выражающих общее мнение⁹. Сказанное о так называемых определениях и сам метод исследования, максимально приближенный к действительности, дают все основания для заключения по меньшей мере о риторической направленности произведения Феофраста¹⁰. Между тем в статье к переводу «Характеров» на русский язык мы читаем: «Характеры» как этологическое (правоописательное) сочинение могут принадлежать к области этики, поэтики и даже риторики¹¹.

Характерологией, или этологией, занимались специальные научные дисциплины — этика и физиогномика. Но при этом упускается из виду, что характерологии самое пристальное внимание на протяжении всей исто-

⁸ Hellwig A. Untersuchungen zur Theorie der Rhetorik bei Platon und Aristoteles Göttingen, 1973, S. 69 f.

⁹ Ср. Смирин В. М. Римская школьная риторика Августовского века как исторический источник. — ВДИ, 1977, № 1, с. 101 сл.

¹⁰ Одним из первых положено о риторическом происхождении сочинения Феофраста выдвинул О. Иммиш (*Immisch O. Über Theophrasts Charaktere.* — *Philologus*, 1898, LVII, S. 193—212). Однако аргументацию Иммиша нельзя считать исчерпывающей. В поле его зрения были главным образом внешние признаки принадлежности «Характеров» к риторическому жанру. Настало время более углубленного анализа произведения. Самым перспективным, на наш взгляд, было бы изучение общей проблемы о сходстве и различиях трактовки вопросов морали и психологии в риторике и этике, имеющих тот же объект исследования, но рассматриваемый разными способами и под разным углом зрения. Здесь сделаны пока только первые шаги (см. *Furley D. J. The Purpose of Theophrastus' Characters.* — *Symbolae Osloenses*, 1953, XXX, p. 56—60).

¹¹ Страхановский. Ук. соч., с. 78.

рии своего развития уделяла риторика. Риторическое искусство, родившееся из практики, искало пути и способы достоверного изображения человека. Уже на самых ранних этапах риторики дает примеры систематизированной характерологии в произведениях Антифонта, Фрасимаха, Лисия. Хорошо прослеживаемая традиция существования риторических сочинений в виде теоретических руководств и практических образцов от времени сицилийских риторов вплоть до Демосфена и Аристотеля¹² делает вполне объяснимым появление такого произведения, как «Характеры». Прямую аналогию сборнику философа, вероятно, могли бы составить так называемые «Приготовления» Лисия, где трактовались нравы старых и молодых, бедных и богатых¹³. Примечательно, что это направление в обрисовке характеров, идущее еще от сицилийцев и Антифонта, продолжают затем Анаксимен и Аристотель. Последний в своем трактате «Риторика» делает специальный экскурс в область характерологии (Rhet. II, 12—17).

В пользу риторического происхождения сочинения говорит не только рукописная традиция¹⁴, но и полное название сборника — *Ἠθικοί χαρακτήρες*. Слово *Ἠθικοί* затемняет смысл заглавия. Поэтому одни его игнорируют, другие считают, что оно попало в заглавие по ошибке (часть рукописей его не содержит)¹⁵. Но свидетельство Диогена Лаэртского (V, 47, 48) не только подтверждает правильность названия сочинения, но и указывает вместе с тем, что оно воспринималось современниками как отдельное и независимое издание. Весь груз доказательства лежит на тех, кто при интерпретации «Характеров» не учитывает эти два факта.

Прилагательное *Ἠθικός* образовано от существительного *ἦθος*. Этим словом Аристотель обозначает в своей «Риторике» понятие, близко примыкающее к феофрастовскому *χαρακτήρ*. Отсюда встает вопрос: какова разница и каковы отношения между этими двумя понятиями? И еще — почему Феофраст соединил оба понятия? Здесь не место для подробного разбора по существу непереводаемого аристотелевского слова «этос»¹⁶, которое обычно передается и понимается как «характер» или «нрав». Заметим лишь, что до времени Аристотеля такое понимание термина (в его специфически античном смысле) возможно¹⁷. Но трудно представить, что содержание понятия «этос», полностью переосмысленное Аристотелем, было оставлено без внимания Феофрастом. В «Риторике» «этос» есть целая эстетическая концепция с множеством элементов, среди которых основным является *προαίρεσις* — движение к цели, изначально присущее человеку в его практической деятельности. Цель у Аристотеля составляет благо или кажущееся благо¹⁸. Таким образом, человеческие поступки независимо от того, лежит ли в их основе добродетель или порок, оказываются позитивно объяснимыми с точки зрения достижения благих целей. Иерархическая градация человеческих качеств в их эстетическом аспекте начинается у Аристотеля с таких категорий, как «мужчина», «женщина» и кончается исследованием тончайших душевных движений на уровне аффектов (*πάθη*).

¹² О двух риторических традициях — теоретической и практической (речи-модели, собрания вступлений и заключений, сборники примеров, общих мест и т. п.) — см. Kennedy G. A. *The Earliest Rhetorical Handbooks*. — *AJPh*, 1959, LXXX, p. 169—178. Яркий образец практического пособия для целей обучения — третья тетралогия Антифонта, отвлеченно рассматривающая характеры юноши и старика.

¹³ Schol. ad Hermog. — *Rhetores Graeci*/Ed. Walz Chr. V. IV, p. 352.

¹⁴ См. введение О. Иммиша к изданию Theophrasti *Charaktère*. Lpz., 1897, p. XXXV—XXXVI. В самое последнее время о том же в своем издании говорит П. Штейнмец (*Steinmetz P. Theophrast. Charaktere*. B. I. München, 1960, S. 55).

¹⁵ Так считает О. Иммиш (op. cit., S. 205), усматривая в нем значение «нравственный», «моральный». К нему присоединяется Б. А. Ван Гронинген (*van Groningen B. A. Characteres*. — *Mnemosyne*, N. S., 1930, LVIII, p. 52—53).

¹⁶ Подробнее см. Вальченко В. В. *ἦθος* в «Риторике» Аристотеля. — ВДИ, 1984, № 2, с. 37—59.

¹⁷ См. Thimme O. *ἦθος, Τρόπος, ἦθος*. Göttingen, 1935.

¹⁸ Arist., *Rhet.* I, 5, 1360b 4; I, 10, 1369b 18—20.

Необходимо назвать еще один элемент «этоса», без которого Аристотель не мыслит «этического» изображения человека. Это — соответствие изображения предмету изображения.

Если теперь попытаться выявить самую характерную черту эскизов Феофраста, то мы, по-видимому, не ошибемся, указав на жизненность представленных автором персонажей. Несомненно, Феофраст в соответствии с последним требованием Аристотеля имел все основания определить свои «Характеры» «этическими», т. е. точно отражающими реальную действительность. Однако на этом сходство эстетических принципов ученика и учителя кончается и начинаются значительные расхождения. При всей скрупулезности изучения «Характеров» мы не найдем в них той важнейшей, с точки зрения Аристотеля, установки, согласно которой действующему лицу должна быть присуща внутренняя мотивированность (προσίρρεσις) слов и поступков.¹⁹ Тезис Аристотеля «Человек никогда не находится в неведении относительно того, что он делает намеренно»¹⁹ абсолютно неприменим ко многим «характерам» Феофраста. Трудно усмотреть, какие побудительные причины лежат в основе поведения Пустослова (III), Угодливого (V), Бестолкового (XIV), Брюзги (XVII), Несуразного (XII), Отчаянного (VI), Болтуна (VII). Но и в этом не прослеживается строгая логика репрезентации «героев» книжки Феофраста. Некоторые из них поступают вполне сознательно и руководствуются в своих действиях корыстными целями (XXII, XXIII, XXIV, XXX). Эта непоследовательность лишь доказывает, что аристотелевский принцип причинности и целесообразности для Феофраста был совсем не важен²⁰. Еще одно коренное отличие состоит в широте охвата объекта изображения. Если Аристотель стремится к исследованию общего, где единичное является составной его частью, то Феофраст останавливает свое внимание на единичном вне связи его с общим. Достаточно сказать, что он выделяет четыре подтипа Скупого (IX, X, XXII, XXX) и три — Болтуна (III, VII, VIII), которые не рассматриваются как частные случаи одного общего явления. Столь узкая специализация типов человеческого поведения могла бы служить ярким примером эмпирического и сенсуалистского восприятия мира. «Характеры» в полном смысле статичны, обособлены и замкнуты в самих себе²¹. Для Феофраста как будто не существует аристотелевской классификации человеческих свойств по «родам» (γέννη), «состояниям» (ἔξις) и аффектам (πάθη). Если считать, что «характеры» представляют собой «состояния» (наиболее правдоподобное предположение), то под это понятие не подходят, например, «бессовестность» (IX) и «трусость» (XXV), числящиеся у Аристотеля среди аффектов²². Совсем другой смысл вкладывает Феофраст в понятие «деревенщина» (IV), которое является более широким, чем у Аристотеля²³; так же дело обстоит с другим «характером» — «Сторонником олигархии» (XXVI). Едва ли эти два «характера» попали в сборник по недоразумению²⁴. Они вновь показывают, что и в способах обобщения Феофраст следовал другому принципу, нежели Аристотель.

Говоря о сущности «характеров», следует подчеркнуть, что они не имеют ничего общего ни с «нанизыванием отдельных мелких черт»²⁵, ни с «суммой душевных свойств»²⁶, ни с индивидуализацией. Феофраст всегда (за исключением немногих случаев) сосредоточивает свое внимание на од-

¹⁹ Arist., Rhet. I, 10, 1368b, 10.

²⁰ Любопытно, что Феофраст в своем втором труде по ботанике сознательно избегает слова «причина». См. Сергеев М. Е. Феофраст и его ботаническое сочинение. — В кн.: Феофраст. Исследование о растениях. М., 1954, с. 345—353.

²¹ Тронский И. М. История античной литературы. Изд. 4-е. М., 1983, с. 195.

²² Arist., Rhet. II, 6, 1383b 11—23.

²³ Arist., Rhet. III, 7, 1408a 31.

²⁴ Immisch. Op. cit., S. 205.

²⁵ Стратановский. Ук. соч., с. 81.

²⁶ Фрейденберг О. М. «Характеры» Феофраста. — Уч. зап. ЛГУ. Серия филол. наук, 1941, № 63, вып. 7, с. 138.

ной черте, которая и выдвигается на первый план, скрывая за собой все остальное. Ни о какой индивидуализации или психологии говорить здесь не приходится, ибо в отдельном «характере» никогда не бывает совмещения «несовместимого». Судя по всему, философ намеренно называет свое произведение *Χαρακτῆρες*, перенося технический термин, обозначающий оттиск на монете, в сферу человеческого поведения²⁷. Тем самым Феофраст разграничивал понятия «характер» и аристотелевский «этос» и достигал большей точности в определении подмеченного им явления.

Феофраста, вероятно, не удовлетворял традиционный, воспринятый и развитый Стагиритом метод репрезентации человека в риторическом искусстве, имевший дихотомическую структуру и в силу широкого охвата предмета изображения страдавший неопределенностью. Эмпирический подход Феофраста открывал более благоприятные возможности для исследования человеческих качеств, но он в сущности был лишь регистрацией поведенческих закономерностей. Недостатки его выражаются прежде всего в отсутствии какой бы то ни было системы. На это по другим поводам мы уже указывали выше. Теперь же отметим, что неслучайны также заявления о композиционной неотчетливости «Характеров». В самом деле, трудно говорить о композиции произведения, которое не имеет ни единого сюжета, ни повествования, ни нарративных частей вообще²⁸. Но зато есть единая художественная структура и единый художественный принцип изображения, которые и придают «Характерам» целостность и законченность. Единство это заключается в том, что носитель того или иного качества выявляется через ситуацию, где качество всегда остается константой, а ситуация — переменной. Феофраст находит бесконечное количество ситуаций или свернутых сюжетов, почти каждый из которых мог бы послужить для разработки широкого повествования. Возьмем наудачу один пример: «... несуразный — это тот, кто, подойдя к занятому человеку, спрашивает у него совета. С веселой компанией врывается он к своей милой, когда та лежит в лихорадке. Он подходит к осужденному по делу о поручительстве, требуя, чтобы тот поручился за него. Собираясь выступить свидетелем, он является, когда дело уже решено» и т. д. (XII)²⁹. Эти ситуации, составляющие содержание «характеров», komponуются совершенно свободно, и в основе их построения лежит только ассоциативная связь.

Свой материал Феофраст черпает из разных источников, в том числе и литературных³⁰, но прообраз подобных жанровых сцен мы находим в первую очередь в судебной и судебно-политической речи, а именно, в том ее разделе, который риторы именовали *πίστεις ἐκ τοῦ βίου* — доказательства от образа жизни. Самым же важным и примечательным является то обстоятельство (говорящее нам гораздо больше, чем материал), что каждая картинка есть своеобразный аргумент, жестко подчиненный тезису определения. В итоге мы оказываемся перед фактом логики риторической схемы. Только она, эта логика, и не дает рассыпаться «характерам» на отдельные мелкие наблюдения, которые тогда уже не имели бы никакой эстетической ценности.

Квинтилиан (II, 4, 41) сообщает, что во времена Деметрия Фалерского в Греции появился обычай говорить на вымышленные темы в подражание политический и судебной речи. Затем он добавляет, что неизвестно, изображали ли этот род упражнений самим Деметрием. Попытка отождествить такие упражнения с тем, что сохранилось от Деметрия, не дала результа-

²⁷ См. Körte A. *Charactēr*. — *Hermes*, 1929, LXIV; S. 70—86.

²⁸ По категорическому заявлению Аристотеля (*Poet.* VIII, 1451a 16—22) события, группирующиеся вокруг одного лица, не составляют единого сюжета.

²⁹ Перевод В. М. Смирнова.

³⁰ *Stevanovič B.* Contribution au problème des modèles de quelques caractères de Théophraste. — *Ziva Antika*, 1960, X, p. 75—80; *Albini U.* I Caratteri di Teofrasto. — *Maia*, 1963, XV, p. 259—269; *Ussher R. G.* Old Comedy and «Character». — *Greece and Rome*, 1977, XXIV, p. 71—79.

тов³¹. Поэтому естественно допустить, что инициатива подобной риторической подготовки слушателей исходила не от Деметрия, а от его учителя и тогдашнего руководителя Ликея Феофраста, и что «Характеры», как уже ранее показал О. Иммиш, являются практическим образцом для упражнения в одном из разделов риторики — характерологии³².

Красочные картины повседневной жизни афинян служат лишь средством и фоном для выделения человека из массы ему подобных. Все сочинение Феофраста направлено на то, чтобы изобразить человека узнаваемым, а значит, создать достоверный и убедительный образ. Убедительность — основное требование риторики в изображении действующего лица в речи. Отсюда становится понятным, что, преследуя эти цели, Феофраст мог поступиться и риторическим стилем, и ситуациями, специфичными для обстановки суда и народного собрания. В согласии со словами Квинтилиана в «Характерах» мы имеем *fictas materias* — выдуманные темы, вымышленный материал, хотя и не противоречащий действительности, но внешне не привязанный ни к одной области художественного творчества. Это, с одной стороны, придало «Характерам» универсальность, о чем говорит способ изображения персонажей в новой аттической комедии, а с другой — повлекло за собой их отчуждение от исконной почвы бытования.

В. В. Вальченко

³¹ Brzoska J. — RE, B. IV, 1901, Sp. 2830, s. v. Demetrios.

³² Все упражнения (*μελέται*) распределялись по тематическому признаку на мифолого-исторические и этологические (характерологические). См. Morel W. — RE, B. XV, 1, Sp. 496, s. v. Melete.

TO WHAT LITERARY FAMILY DO THE «CHARACTERS» OF THEOPHRASTUS BELONG?

V. V. Valchenko

The isolated position of the *Characters* in the genre system of ancient Greek literature is responsible for most of the endless sharp debates about its author's work. In most cases the *Characters* are regarded as essays on scientific and philosophical themes, but this is very doubtful. The author of the present article develops further an earlier opinion that the *Characters* are rhetorical in nature. The «definitions» introducing each «character» and used as the main argument for assigning it to one of Theophrastus's works on ethics, are in fact rhetorical theses, and not definitions in the strict scientific sense. Comparison of the works of Theophrastus with those of Aristotle shows that the former are much closer to the *Rhetoric* of Aristotle than to his *Ethics*. The author suggests that the *Characters* were a kind of model for practice work on abstract themes of characterology in the rhetorical school of Theophrastus.

РИМСКАЯ ВИЛЛА НА ТЕРРИТОРИИ ФРАКИИ И НИЖНЕЙ МЭЗИИ В I—V вв. н. э.

(Обзор исследований)

Всестороннее исследование аграрных хозяйственных комплексов на землях римских провинций представляет значительный интерес, так как дает возможность на конкретном материале проследить эволюцию аграрных отношений на той или иной территории, глубже понять специфику социально-экономического развития различных регионов Римской империи.